

ДВА “МЕДНЫХ ВСАДНИКА”: ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА В 1830-е ГОДЫ

© 2013 г. Н. В. Перцов, И. С. Сидоров

В конце марта 1835 г. в газете “Литературные прибавления к Русскому Инвалиду” было напечатано стихотворение с названием “Медный Всадник”, подписанное *И. Петров*. Его автором был харьковский губернский казначей, поэт и прозаик Иван Матвеевич Петров, находившийся весной 1835 г. в Петербурге. Стихотворение обнаруживает очевидные лексические, синтаксические и содержательные связи со вступлением к одноименной поэме Пушкина, опубликованным четырьмя месяцами ранее в “Библиотеке для чтения” под названием “Петербург. Отрывок из поэмы”. В стихотворении Петрова имеются также переключки с текстом других частей поэмы Пушкина, а это говорит о том, что она в той или иной степени была Петрову известна. Скорее всего, источником его сведений о поэме Пушкина был брат поэта Лев Сергеевич, прошедший осень 1834-го и начало 1835 года в Харькове. Рассматриваются, с одной стороны, параллели стихотворения из “Литературных прибавлений...” с поэтическим творчеством самого И.М. Петрова, а с другой – его своеобразные рефлексии в стихотворении Пушкина “Пир Петра Первого”, написанном (тем же размером – 4-стопным хореем – и той же 8-строчной строфой, что и стихотворение Петрова) спустя несколько месяцев и опубликованном в первом томе “Современника” за 1836 год. Тем самым здесь выявляется своеобразная переключка двух поэтов (возможно, не вполне осознававшаяся ими).

At the end of March 1835 a poem entitled “The Bronze Horseman” (“Mednyj Vsadnik”) and signed *I. Petrov* was published in the newspaper “Literary Supplements to the Russian Invalid” (“Literaturnye pribavlenija k Russkomu Invalidu”). Its author was Kharkov province paymaster, poet and prosaist Ivan Matveevich Petrov, who happened to be in St. Petersburg in the spring of 1835. In its word choice, syntax and content the poem clearly echoes the introduction (“Vstuplenie”) to Pushkin’s eponymous poem; this preamble had been published four months earlier in the journal “Library for Reading” (“Biblioteka dlja chtenija”) under the title “Petersburg. Excerpt from a Narrative Poem” (“Peterburg. Otryvok iz poetry”). In Petrov’s poem there are also parallels with other sections of Pushkin’s narrative poem, suggesting that Petrov was to some extent familiar with them as well. Petrov’s source of knowledge about the poem was most likely Pushkin’s brother Lev Sergeevich, who spent the autumn of 1834 and the beginning of 1835 in Kharkov. The present study reviews, on the one hand, the parallels between Petrov’s “The Bronze Horseman” and other works he authored; and, on the other hand, particular reflexes of Petrov’s poem in Pushkin’s “The Feast of Peter the Great,” a poem which was written in the same verse metre – trochaic tetrameter – and in the same 8-line stanzas as Petrov’s poem, and which was published several months later in the first volume of the journal “The Contemporary” (“Sovremennik”) in 1836. What emerges, then, is evidence of a mutual resonance between the works of the two poets, of which they themselves may not have been fully conscious.

Ключевые слова: стихотворение, поэма, “Медный Всадник”, Петров, Пушкин, поэтическая переключка.

Key words: poem, narrative poem, “The Bronze Horseman”, Petrov, Pushkin, poetic resonance.

30 апреля 1835 г. из Петербурга московским дилижансом выехал харьковский губернский казначей титулярный советник Иван Матвеевич Петров [1]. Возможно, тем же дилижансом возвращался в Москву и профессор Московского университета коллежский советник Иван Михайлович Снегирёв (судя по тому, что в списке выехавших из столицы 30 апреля и 1 мая он стоит

сразу вслед за Петровым [1]¹). Если так и было, им в дороге было о чем поговорить.

Дело в том, что И.М. Петров был еще и литератором, причем литератором активным. Он не только

¹ В списке выехавших 30 апреля и 1 мая Петров и Снегирев стоят 7-м и 8-м из 25-ти выехавших, а кроме того, из дневника Снегирева известно, что в Петербурге он пробыл “до 30 апреля” [2].

сам писал стихи и прозу, но и издавал альманахи. И.М. Снегирев же был не только профессором-латинистом, но и цензором Московского цензурного комитета, и именно он в 1833 г. дал разрешение на печатание как сборника стихов Петрова [3], так и подготовленного им альманаха “Утренняя звезда”, вышедшего в 1834 г. в двух “книжках” (первая, на русском языке, напечатана в Москве, вторая, на украинском, – в Харькове) [4].

Однако нам сейчас важно не то, о чем Петров мог говорить в дороге со Снегиревым, а то, чем он, будучи в Петербурге, занимался не как харьковский казначей, вероятно, приехавший в столицу по делам службы, а как литератор, судя по всему, впервые попавший в Петербург.

И.М. Петров, вероятно, привез в Петербург экземпляры упомянутого альманаха “Утренняя звезда”, который до этого можно было приобрести только в Харькове и Москве [5]. 16 марта 1835 г. в “Санктпетербургских ведомостях” появилось объявление о его продаже [6], а 18 апреля в “Северной пчеле” – краткая рецензия на альманах, завершающаяся словами: “Выборъ статей и довольно богатое издание Утренней Звѣзды заслуживаютъ Издателю оной, Г.<осподину> И.М. Петрову, благодарность читателей” [7]².

В северную столицу Петров привез также рукопись своих повестей – и 26 марта получил в Санктпетербургском цензурном комитете разрешение на ее печатание [8]³.

На следующий день, в среду 27 марта 1835 г., в 25-м номере петербургской газеты “Литературная прибавленія къ Русскому Инвалиду” появилось стихотворение, озаглавленное “МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ” и подписанное “И. Петровъ”; под подписью слева стояло указание места – “С. П. бургъ” [10]. Поэма Пушкина тогда не была известна широкой публике (впервые она будет опубликована посмертно в 5-м томе “Современника” 1837 г.); четыремя же месяцами ранее, в начале декабря 1836 г., в журнале “Библиотека для чтения” появилось лишь вступление к ней, озаглавленное “Петербургъ. Отрывокъ из поэмы” [11]. Сама же поэма, представленная Николаю I в декабре 1833 г., к печати высочайшим цензором допущена не была. Хотя формального запрещения с его стороны и не последовало, Пушкин, будучи не в силах пойти навстречу его цензурской воле и исправить отмеченные в рукописи недозволенные места, отло-

жил работу над поэмой на неопределенный срок. И вот в петербургской газете “первенствующий поэт русский” увидел столь знакомое ему словосочетание в заглавии стихотворения Петрова⁴:

МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Вешней нѣгой солнце дышитъ!
Весель, радость надъ челомъ,
Мчитя всадникъ – ржетъ и пышитъ
Конь подъ мѣднымъ сѣдокомъ!
На гранитъ вскакаль – десница
Распростерта надъ Невой!
Зрите!... “Здѣсь моя столица!”
Воззваль голось громовой.

*

Блещетъ царственная тога,
И изъ топкихъ Финскихъ блатъ
По воззванью полубога
Возникаетъ чудный градъ.
О, какъ гласъ твой, мужъ великій,
Дивенъ, силенъ и могучъ,
Какъ гласъ Русскаго владыки!
Надъ тобой – безсмертья лучъ!

*

Тамъ, гдѣ нѣкогда пустыни
Быль печальный дикій видъ,
Нынѣ дивныя твердыни
Изумленный странникъ зритъ.
Очаровывая взгляды,
Вдоль гранитныхъ береговъ
Всюду высятся громады
Зданій стройныхъ и дворцовъ.

*

Все здѣсь нѣжить взоръ и чувства!
Какъ по зву, въ державный градъ
Роскошь, знанья и искусства
Съ юга, съ сѣвера спѣшать.
Разсѣкая Фински волны,
Дань морей и дань земли
Отъ всѣхъ странъ, кошницы полны,
Въ даръ приносятъ корабли.

*

Кто же Онъ, сей всадникъ чудный,
Маньемъ чымъ изъ влажныхъ нѣдръ
Градъ явился многолюдный?
Это Петръ, нашъ Русскій Петръ!
Мудрый мудрому укажетъ
На божественный сей ликъ,
И потомокъ дальній скажетъ:
Сей Державный былъ великъ!

И. Петровъ

С. П. бургъ.

² Рецензия написана, вероятно, кем-то из представителей малороссийского землячества в Петербурге (подпись: Андрий Куций).

³ Книга будет издана в Харькове в 1837 г. под названием “Повѣсти Пустынника Залопанскаго, изданныя Ивановомъ Петровымъ” [9].

⁴ Нам неизвестны упоминания в исследовательской литературе об этом стихотворении. Удивительным образом о нем ничего не сказано даже в содержательной статье А.В. Жуковской о Петрове в 4-м томе словаря “Русские писатели. 1800–1917” [12].

Стихотворение обнаруживает очевидные параллели с поэмой Пушкина – причем не только в отношении одного и того же названия (которое в качестве названия Пушкинской поэмы публике знакомо не было⁵). Вступление к поэме, как уже было сказано, к тому времени было известно по “Библиотеке для чтения” (правда, там оно было напечатано с купюрой, без четверостишия о Москве, отчеркнутого в рукописи царём, и без последних пяти строк “Была ужасная пора, <...>”), и автор стихотворения, несомненно, был с ним знаком⁶.

Приведём параллели стихотворения Петрова [СтП] и вступления к поэме Пушкина [ВМВ] (совпадающие или родственные в обоих текстах фрагменты подчеркнуты; вступление к поэме цитируется по “Библиотеке для чтения”):

(1) [СтП] “Вешней нёгой солнце дышит!” ~ [ВМВ] “Нева <...> чуя вешни дни, ликуеть.”

(2) [СтП] «Зрите!... “Здѣсь моя столица!”» ~ [ВМВ] “Здѣсь будетъ городъ заложенъ <...>”

(3) [СтП] “И изъ топкихъ Финскихъ блатъ / По воззванью полубога / Возникаетъ чудный градъ.” ~ [ВМВ] “<...> и юный градъ, / Полночныхъ странъ краса и диво, / Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ / Вознесся пышно, горделиво; <...>”

(4) [СтП] “Тамъ, гдѣ нѣкогда пустыни / Былъ печальный дикій видъ, / Нынѣ дивныя твердыни / Изумленный странникъ зрить”. ~ [ВМВ] (а) “На

⁵ Так, Я.М. Неверов в 1835 г., в седьмой книжке “Журнала Министерства народного просвещения”, в обзоре “изящной словесности” в журналах за вторую половину 1834 г., отмечал: «Пушкинъ украсилъ Библиотеку для чтенія *отрывкомъ изъ Поэмы “Петербургъ”* (Т. VII, кн. 2), *Элегію* (Т. V, кн. 1) и двумя стихотвореніями въ классическомъ родѣ “*Подражанія Древнимъ*” (т. V, кн. 1). <...>» [13]. Заметим, что это было единственным откликом в печати на публикацию Пушкинского вступления к поэме.

⁶ Первая же строка стихотворения (“Вешней нёгой солнце дышит!”) явно отражает личные впечатления Петрова. В начале марта (судя по сведениям “Санктпетербургских ведомостей”) в столице установилась теплая погода [14]. Днем температура поднималась выше нуля (до пяти-шести градусов), а с 8 по 12 марта дни к тому же стояли солнечные, иногда с небольшой облачностью. Отец Пушкина писал 11 марта дочери Ольге Сергеевне: “Все это время у нас чудное было солнце” [15, с. 269]. Личные впечатления просматриваются и в строках: “Нынѣ дивныя твердыни / Изумленный странникъ зрить”. “Изумленный странникъ” – это он сам, Петров, впервые приехавший в Петербург.

берегу пустынныхъ волнь <...>”; (b) “Гдѣ прежде Финскій рыболовъ, / Печальный пасынокъ Природы, / Одинъ у низкихъ береговъ / Бросаль въ невѣдомыя воды / Свой ветхій неводъ, – нынѣ тамъ, / По оживленнымъ берегамъ, / Громады стройныя тѣсняются, / Дворцевъ и башень; <...>” [в связи с (4b) существен не столько эпитет “печальный”, сколько сходство синтаксического построения: “где <нечто было таким-то и таким-то>, ныне <всѣ по-другому>”]; (c) “Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дымъ и громъ, <...>”

(5) [СтП] “Вдоль гранитныхъ береговъ / Всюду высятся громады / Зданій стройныхъ и дворцовъ”. ~ [ВМВ] (а) “Въ гранитъ одѣлася Нева; <...>”; (b) “<...> Береговой ея гранитъ, <...>”; (c) “<...> Громады стройныя тѣсняются, / Дворцевъ и башень; <...>”; (d) “Люблю твой строгій, стройный видъ, <...>”; (e) “И ясны спящія громады / Пустынныхъ улицъ, <...>” [обратим внимание на инвертированный порядок слов у Петрова в словосочетании “Зданій стройныхъ” – такой же как у Пушкина в (5c) – “Громады стройныя”; при этом стихотворный метр стихотворения – хорей – допускает здесь и прямой порядок – “Стройныхъ зданій”]

(6) [СтП] “Какъ по зву, въ державный градъ <...>” ~ [ВМВ] “<...> Невы державное теченье, <...>”

(7) [СтП] “<...> въ державный градъ / Роскошь, знанья и искусства / Съ юга, съ сѣвера спѣшать. / Разсѣкая Фински волны, / Дань морей и дань земли / Отъ всѣхъ странъ, кошницы полны, / Въ даръ приносятъ корабли”. ~ [ВМВ] (а) “Вражду и плѣнь старинный свой / Пусть волны Финскія забудутъ <...>”; (b) “<...> корабли / Толпой, со всѣхъ концевъ земли, / Къ богатымъ пристанямъ стремятся”.

(8) [СтП] “Маньемъ чымъ изъ влажныхъ нѣдръ / Градъ явился многолюдный? / Это Петръ, нашъ Русскій Петръ!” ~ [ВМВ] “Красуйся, Градъ Петровъ, <...>”

Очевидно, что автор стихотворения во многом опирался на вступление к поэме Пушкина и заимствовал из него общий панегирический тон по отношению к Петру I и его памятнику в Петербурге.

Однако переключками со вступлением к поэме сходство с ней в стихотворении Петрова не ограничивается: в нём усматриваются параллели и с основным текстом поэмы, тогда ещё читающей публике неизвестным.

Прежде всего, совпадают названия стихотворения и поэмы. Могло ли это быть случайным?

Мы позволим себе, отходя от основной линии нашего повествования, задаться вопросом о генезисе и статусе словосочетания *Мѣдный Всадникъ* для наименования памятника Петру – откуда оно появилось и как оно воспринималось в интересующую нас эпоху? Есть основания полагать, что это словосочетание вошло в русскую культуру именно в 1830-е годы.

В самом деле, в русских текстах до 1830-х годов, в частности – в поэтической традиции XVIII века, к которой восходит один из “стилистических слоёв” поэмы Пушкина, такого словосочетания мы не находим, хотя соположение в одном стихотворном пространстве слов *мѣдь* и наименования всадника при описании памятника Петру I обнаруживается – как это показано в обширной и всеобъемлющей статье Л.В. Пумпянского [16], в которой цитируются эклога Е.И. Кострова “Три грации” 1783 г. (“Кто сей, превознесен на каменной твердыне, / Седающий на коне, простерший длань к пучине <...>? То Петр. <...> И медь, что вид его на бреге представляет, / Чувствительной себя к веселию являет, <...>”) и два стихотворения В.П. Петрова: послание Екатерине при переводе “Энеиды” 1786 г. (“О, всадник, радуйся... / Днесь я тебя в меди бездушной созерцаю...”) и ода 1793 г. “На торжество мира” (“<...> Тряхнулся Всадник на коне. / Он жив! о знаменья чудесна! / Он жив! иль действует небесна / В меди мощь века заперта?”) [16, с. 111–112].

Здесь нам нужно обратиться к другому поэтическому произведению, тоже относящемуся к 30-м годам позапрошлого столетия, а именно – к стихотворению поэта-декабриста А.И. Одоевского “Сен-Бернар”, предположительно датированному 1831-м годом и впервые опубликованному в десятом томе “Современника” в 1838 г. [17]. Стихотворение Одоевского посвящено Наполеону, точнее – знаменательному историческому событию – переходу войск Наполеона через горный перевал Сен-Бернар в Альпах в мае 1800 г. Метафорически оживляемый перевал («Воскликнул Сен-Бернарь: “Кто мой покой / Нарушить смѣль?” <...>») предрекает Наполеону гибель со стороны его будущего победителя – России, “мужающей державы”, символом которой выступает в стихотворении статуя Петра I. Если датировка

написания этого стихотворения верна, тогда обнаруживается, что Пушкин не был первым, применившим слово *всадникъ* в сопровождении эпитета *мѣдный* для наименования памятника Петру: ведь в инвертированном порядке слов такое наименование завершает стихотворение Одоевского (цитируется по первопечатной публикации):

Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ, есть конь и
всадникъ мѣдной:

Ударить конь копытами въ гранить,
И кинетъ огонь въ сердца; онъ искрою побѣдной
Твой грозный лавръ испепелить. –

А. О.

Генетическая связь этих двух текстов – стихотворения Одоевского “Сен-Бернар” и поэмы Пушкина “Мѣдный Всадникъ” – для нас очевидна. Для трех строк приведенной цитаты из Сен-Бернара [СБ] обнаруживаются параллели в пушкинской поэме [МВ]: [СБ] “Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ, есть конь и всадникъ мѣдной:” ~ [МВ] “Ужасень онъ въ окрестной мглѣ!”; [СБ] “Ударить конь копытами въ гранить”. ~ [МВ] “Куда ты скачешь, гордый конь, / И гдѣ опустишь ты копыта?”; [СБ] “И кинетъ огнь въ сердца; <...>” ~ [МВ] “А въ семь конѣ какой огонь!”. Строку же “Сен-Бернара” “Рѣдѣть мгла, и небо разсвѣло...” легко сопоставить со строками из первой части поэмы – “Рѣдѣть мгла ненастной ночи, / И блѣдный день ужъ настаетъ”. Есть и другие места в “Сен-Бернаре”, которые соотносимы с фрагментами из поэмы: образ бездн в двух фрагментах из [СБ] “Уже надъ безднами висить стезя героя” и “Сто усть, сто безднь – раскрывъ со всѣхъ сторонъ, <...>” ~ [МВ] “Не так ли ты надъ самой бездною, / На высотѣ уздой желѣзной / Россію поднйалъ на дыбы?”; [СБ] “Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ / <...> / И въ мѣдныхъ жерлахъ вносятъ громъ”. ~ [МВ] “Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дымъ и громъ,”; “Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ, <...>”.

В обоих рассматриваемых поэтических произведениях обнаруживается один общий образ: конная статуя приходит в движение и проявляет агрессию по отношению к противостоящему ей человеку. Здесь уместно вспомнить выдающуюся работу Р.О. Якобсона “Статуя в поэтической мифологии Пушкина” [18], вскрывшую этот глубинный поэтический мотив в трёх пушкинских поэтических произведениях 1830-х годов – “Каменном госте”, завершённом в 1830 г., “Медном Всаднике” 1833 г. и “Сказке о золотом петушке” 1834 г.; только последнее из них увидело печать при жизни автора (в 1835 г.).

Знакомство Пушкина с “Сен-Бернаром” Одоевского нам представляется высоковероятным. Дело в том, что в 1830–1831 гг. шесть стихотворений Одоевского были напечатаны в “Литературной газете” Дельвига – Сомова – Пушкина, а три – в “Северных Цветах на 1831 год” Дельвига, вышедших в конце 1830 – начале 1831 г. (все девять, разумеется, без подписи). Если “Сен-Бернар” действительно был написан “Въ Петровской тюрьмѣ за Байкаломъ, въ 1831 году” (как об этом свидетельствует указание под заглавием в издании стихов Одоевского 1883 г., подготовленном бывшим “сокамерником” Одоевского декабристом А.Е. Розеном [19]), тогда рукопись этого стихотворения в том же году (или в последующие два) могла быть послана из сибирского заключения в Петербург для публикации в “Литературной газете”, а получена тогдашним её редактором О.М. Сомовым уже после прекращения существования последней в середине 1831 г. Сомов же вполне мог показать рукопись Пушкину, проводшему вторую половину 1831 года в Петербурге или Царском Селе (лишь в декабре он съездил на три недели в Москву). В таком случае, правда, возникает вопрос: почему же Пушкин не опубликовал это сильное, столь значимое для него стихотворение в “Северных Цветах на 1832 год”, которые он деятельно готовил как раз в 1831-м? – Может быть, оттого, что получил рукопись слишком поздно, после корректуры или даже выхода “Северных Цветов”...

Всё же пока не следует безоговорочно исключать противоположное направление заимствования – не от Одоевского к Пушкину, а от Пушкина к Одоевскому – хотя последнее и представляется нам менее вероятным. Дело в том, что датировкам, указанным А.Е. Розеном в издании Одоевского 1883 г., нельзя доверять полностью: среди них обнаруживаются безусловно ошибочные. Одоевский же мог написать “Сен-Бернар” после первой публикации “Медного Всадника” в пятом томе “Современника”, вышедшего в свет в мае 1837 г. Правда, на основе только этого печатного текста он не мог опереться на один из ключевых фрагментов поэмы – упомянутые выше десять строк описания памятника: они подверглись редактирующему подцензурному изъятию со стороны Жуковского, готовившего текст к публикации. Однако здесь на “сцену”, возможно, является брат поэта Лев Пушкин, с которым Одоевский начиная с октября–ноября 1837 г. мог познакомиться на Кавказе в Нижегородском драгунском полку, куда декабрист был переведен из сибирского поселения в чине рядового. В этой связи чрезвычайно интересно свидетельство декабриста Н.И. Лоре-

ра, относящееся, правда, к более позднему времени – к июню 1838 г.: «Ко всем приятностям собеседничества с Одоевским он обладал отличным поваром, и мы с ним согласились дать обед и для этой цели накупили у маркитанта всего необходимого вдоволь и составили пригласительный список. Приглашенных набралось до 20 человек, и в Иванов день, 24 июня, в трех соединенных палатках с разнокалиберными приборами, занятыми у званых же, все собрались. Капитан Маслович был именинник, и мы пили радушно его здоровье и веселились на славу. После обеда Пушкина, знавшего наизусть все стихи своего брата и отлично читавшего вообще, заставили декламировать, и он прочел нам поэму “Цыгане”» [20].

Вполне возможно, что описанный Лорером случай – далеко не единственный, когда Лев Сергеевич читал Пушкинские произведения в присутствии Одоевского – и что читал он не только “Цыган”. Он мог прочесть посмертно опубликованный “Медный Всадник” сослуживцам по полку, при этом сохраняя подцензурно изъятые или искаженные фрагменты. (Далее мы скажем о том, что в 1834 или 1835 году он познакомил с неопубликованной поэмой брата харьковчан.)

Теперь мы обратимся ко второй части вопроса, заданного в начале нашего отступления: как воспринималось словосочетание *Мѣдный Всадникъ* применительно к статуе императора Петра в 1830-е годы? Мы предполагаем, что оно не носило характера устойчивого лексического клише, как сейчас, и не было на слуху у современников Пушкина. Во всяком случае, А.И. Тургенев 3 марта 1837 г., после прослушивания поэмы Пушкина у Карамзиных, оговариваясь, называет её “Медный рыцарь” [21], что вряд ли было бы возможно, если бы словосочетание *мѣдный всадникъ* было устойчивым обозначением памятника Петру I. В пользу нашего предположения говорит и то, что И.И. Дмитриев, которому Жуковский сообщил о найденной среди бумаг Пушкина поэме “Медный Всадник”, передавая эту новость П.П. Свиньину и также оговариваясь, называет её “Медный конь” [22].

После затянувшегося отступления возвращаемся к параллелям между стихотворением Петрова и основным текстом поэмы Пушкина (поэма цитируется по “Цензурному автографу” – последнему из известных источников её текста по состоянию на март 1835 г.):

(i) [СтП] “Мчитса всадникъ – ржетъ и пышитъ / Конь подь мѣднымъ сѣдокомъ!” ~ [МВ] (а) “А въ семь конѣ какой огонь!”; (b) “За нимъ несетса Всадникъ Мѣдный / На звонко скачущемъ конѣ”;

(ii) [СтП] “На гранить вскакаль – десница / Распростерта надъ Невои!” ~ [МВ] (a) <...> “Стоить съ простертою рукою / Кумирь на бронзовомъ конѣ.”; <...>; (b) “<...> Простерши руку въ вышинѣ” / За нимъ несется Всадникъ Мѣдный / На звонко скачущемъ конѣ.”; “<...> За нимъ повсюду <В>садникъ <М>ѣдный / Съ тяжелымъ топотомъ скакаль.”

(iii) [СтП] “Маньемъ чымъ изъ влажныхъ нѣдръ / Градъ явился многолюдный? / Это *Петръ*, нашъ Русскій *Петръ*!” ~ [МВ] “Онъ узналъ <...> Того, чьей волей роковой / Подъ моремъ городъ основался...”

(iv) [СтП] “Мудрый мудрому укажетъ / На божественный сей ликъ, / И потомокъ дальній скажетъ: / Сей Державный былъ великъ!” ~ [МВ] “<...> И взоры дикіе навелъ / На ликъ Державца полуміра <.>”

Свидетельством того, что Петров был знаком не только с опубликованным вступлением к поэме, но и с нею самой, служит то обстоятельство, что в стихотворении подан крупным планом памятник Петру, которому посвящена первая строфа и который упомянут в последней (“всадникъ чудный”). Во вступлении же ни слова не говорится о памятнике. Памятник появляется в поэме впервые только в самом конце первой части – в статичном состоянии (“Стоить съ простертою рукою / Кумирь на бронзовомъ конѣ.”); во второй же части памятник сначала представлен тоже статично (“Кумирь съ простертою рукою / Сидѣль на бронзовомъ конѣ.”; “Онъ узналъ <...> Того <.> / Кто неподвижно возвышался / Во мракѣ мѣдною главой <...>”), затем изображено движение коня (“А в семъ конѣ какой огонь! / Куда ты скачешь, гордый конь” / И гдѣ опустишь ты копыта?”), а через несколько строк приходит в движение и сам всадник (“Лицо тихонько обращалось...”; “Тяжело-звонкое скаканье”; “<...> несется Всадникъ Мѣдный”; “За нимъ повсюду <В>садникъ <М>ѣдный / Съ тяжелымъ топотомъ скакаль.”). У Петрова же всадник дан в движении с самого начала – с третьей строки (“Мчится всадникъ <...>”); при этом и в поэме, и в стихотворении упоминаются чело и лик всадника (“Какая дума на челѣ!”; “Лицо тихонько обращалось...” ~ “радость надъ челою”; “божественный сей ликъ”).

Естественно возникают вопросы: где, когда и как мог Петров познакомиться с пушкинской поэмой?

Пушкин читал ее только близким знакомым, да и то не сразу по приезде в Петербург – и не всем.

Возвратившись из Болдина в Петербург в ноябре 1833 г. и еще никому рукопись поэмы там не показывая⁷, Пушкин передал ее на цензуру Николаю I. Параллельно он заключил договор с А.Ф. Смирдиным о публикации поэмы. Пушкин явно не хотел, чтобы поэма стала известна публике до выхода ее из печати. После получения 12 декабря замечаний Николая I поэт еще менее стремился к ее распространению. 4 января 1834 г., когда прошло уже полтора месяца после приезда Пушкина, князь П.А. Вяземский писал А.И. Тургеневу: “Онъ возвратился изъ степной поѣздки своей и навезъ много стиховъ, которыхъ я еще не читалъ, въ ожиданіи чтенія у Жуковскаго” [24, с. 253]. Состоялось ли чтение – нам неизвестно: упоминаний об этом нет никаких. Есть даже некоторые основания предполагать, что Вяземский так и не услышал пушкинскую поэму (или, во всяком случае, не видел ее рукописи). А.И. Тургенев, тесно общавшийся с Пушкиным в Петербурге в октябре 1834 г. (единственный из знакомых поэта, о котором нам точно известно, что в Петербурге Пушкин поэму ему читал), писал 24 октября Вяземскому, который в это время был за границей: “Поэма его о наводненіи превосходна, но исчерчена и потому не печатается” [24, с. 262]; Тургенев, видимо, полагал, что его адресат может об этом не знать. Между прочим, ни в дневниковых записях, ни в письме к Вяземскому у Тургенева нет названия “Мѣдный Всадникъ”.

Правда, известно, что с пушкинской поэмой и с замечаниями императора были знакомы А.О. и Н.М. Смирновы. Существует мнение, что 14 декабря 1833 г. Пушкин провел вечер у Смирновых и, возможно, тогда читал свою поэму и показывал рукопись с пометами Николая I [25, с. 548]. При этом ссылаются на дневник Пушкина, где якобы написано: “вечер у См<ирновых>” [23, т. XII, с. 317]; однако в рукописи отчетливо прочитывается “вечеръ у Ст.”, что отмечал еще Б.Л. Модзалевский [26]. Кроме того, из дневниковой записи Н.М. Смирнова, сделанной позже, ясно, что А.О. Смирнова получила рукопись поэмы для прочтения от самого императора [27].

⁷ В Москве, по дороге из Болдина в Петербург, Пушкин читал поэму П.В. Нащокину и М.П. Погодину. Это следует из его писем к ним с известием о крушении его надежд на публикацию “Медного Всадника”. К Нащокину (середина марта 1834 г.): “<...> Медный Всадник не пропущен – убытки и неприятности! <...>” [23, т. 15, с. 118]. К Погодину (около – не позднее – 7 апреля 1834 г.): “Вы спрашиваете меня о Медном Всаднике, о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев выдет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре” [23, т. 15, с. 123–124].

Уже после смерти Пушкина, 3 марта 1837 г., А.И. Тургенев записал в дневнике: “Вечер у Карамз<иных>. С Жук.<овским> Вяз.<емским> и пр. Слушал письмо Жуковск.<ого> к отцу Пушкина и поэму Медный рыцарь Пушкина” [21]. Надо полагать, что для большинства присутствовавших на вечере поэма Пушкина была новостью, иначе вряд ли её стали бы читать. В.А. Жуковский писал И.И. Дмитриеву 12 марта 1837 г.: «Разбор бумаг Пушкина мною кончен. Найдены две полные, прекрасные пиесы в стихах: “Медный всадник” и “Каменный гость”» [28]. А на следующий день Александр Карамзин писал брату Андрею: “После смерти Пушкина Жуковский принял, по воле государя, все его бумаги. Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. Я читал некоторые, прекрасные донельзя. <...> В целой поэме не встречается ни одного лишнего, малоговорящего стиха!!!” [29]⁸. Андрей Карамзин уехал за границу в мае 1836 г. Следовательно, до его отъезда Карамзины с “Медным Всадником” еще знакомы не были.

Возвращаемся в год 1833-й. В середине октября в Петербург приехал вышедший в отставку из военной службы брат Пушкина Лев Сергеевич, а несколько ранее туда же приехал С.А. Соболевский. Вернувшись в столицу в ноябре, Пушкин тесно сближается с ними. Мать поэта Надежда Осиповна писала дочери Ольге Сергеевне 3 марта 1834 г.: “<...> он <Лев> и Александр пристрастились к Соболевскому, они неразлучны” [15, с. 210]. Видимо, приятельские, интимные, а не светские, отношения более располагали к тому, чтобы познакомить их (как и П.В. Нащокина в Москве) с привезенными из Болдина рукописями. 21 февраля 1834 г. Лев Сергеевич писал своему приятелю М.В. Юзефовичу, с которым вместе некогда служил на Кавказе: «Мой брат вскоре собирается издать историю Пугачева, произведение достойное, особенно в отношении повествования; в последнее время он много написал в прозе и в стихах, но это произведение занимает его исключительно» [30]. Судя по тому, что он пишет о характере повествования, Лев Сергеевич был знаком с рукописями брата.

Выше, в воспоминаниях Н.И. Лорера, уже упоминалось о феноменальной памяти Льва Сергеевича на стихи, которой он поражал окружающих. В феврале 1830 г. Ф.Н. Глинка, вспоминая о времени ссылки Пушкина, писал поэту: “И без вас мы, любящие вас, были с вами. В пиитическом уголке

любезного П.А. Плетнева, мы часто, и с любовью, об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали *живое* стереотипное издание творений ваших – вашего любезного братца Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы ваши наизусть с величайшею легкостью и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот” [23, т. XIV, с. 66].

К лету 1834 г. Льву Сергеевичу служба в Петербурге надоела, и его снова потянуло на Кавказ. Он и Юзефовича уговаривал туда отправиться, обещая по дороге заехать к нему, в его края, что и выполнил. Он выехал из Петербурга 1 августа, задержался почти на три недели в Москве, где 22 августа была выдана подорожная “до Харькова, отставному Капитану Льву Пушкину” [31; 32]. А штаб-ротмистр М.В. Юзефович служил в это время примерно в 20 верстах от Харькова, в Чугуевском уланском полку, стоявшем в Чугуеве. Юзефович в Харькове общался с местными литераторами, участвуя в их изданиях. В упомянутом в начале нашей статьи альманахе “Утренняя звезда”, подготовленном и изданном И.М. Петровым, было напечатано стихотворение Юзефовича “Орель” (с подписью: Ю****) [4, Книжка 1, с. 169–170].

29 августа 1834 г. Лев Сергеевич приехал в Харьков и ... задержался там до конца января 1835 г. Надежда Осиповна писала дочери 5 марта 1835 г.: “У меня никаких нет вестей от Леона, он, должно быть, в Тифлисе, из Харькова он выехал в начале февраля, где его задержали дела, потом плохие дороги, наконец, нездоровье” [15, с. 267].

Не приходится сомневаться в том, что Юзефович свел Льва Сергеевича с харьковскими литераторами, которым интересно было познакомиться с братом Пушкина. Что же касается Льва Сергеевича, то, как говорили современники,

Наш Лев Сергеич очень рад,
Что своему он брату брат.

Знание произведений брата, особенно неопубликованных, всегда позволяло ему получить весьма лестное положение в обществе.

Поэтому мы смеем полагать, что именно от Льва Сергеевича И.М. Петров (скорее всего, и другие харьковские литераторы) услышал если не всю поэму “Медный Всадник”, то во всяком случае какие-то ее фрагменты.

И.М. Петров (1803–1838) за свою относительно короткую жизнь сделал немало. Уроженец Сибири, он неоднократно менял местожительство (Иркутск, Томск, Красноярск, Харьков). Служебная жизнь его началась еще в юном возрасте.

⁸ Под поэмой явно подразумевается “Медный Всадник”: других законченных поэм в бумагах поэта не было.

С конца 1814 г. он – копиист в Иркутском губернском правлении, в 1818–1823 гг. служит в Томском губернском правлении (с 1818 г. – коллежский регистратор, с 1823 – губернский секретарь). Затем он переселяется в Красноярск и служит в Енисейской казенной палате (1823–1832) помощником комиссионера по развозу соли (1824–1826), ассессором Казенной палаты (с 1826 – коллежский секретарь, с 1829 г. – титулярный советник).

Литературный дебют Петрова относится к 1824 г., когда были опубликованы в петербургском журнале “Новости литературы” шесть его стихотворений [33]; в последующие годы он активно печатается в столичных журналах, посылая из Сибири в столицу свои стихи. Петров печатался также в журнале “Заволжский муравей”. В 1827 г. он подготовил “Енисейский альманах на 1828 год” [34], где и его творчество было представлено весьма обширно – четырнадцатью стихотворениями и двумя прозаическими миниатюрами.

В 1832 г. Петрова предписанием министра финансов переводят в Харьков, куда он и переезжает с женой и двухлетним сыном и где сначала получает место ассессора казенной палаты, а с 1833 г. становится губернским казначеем.

В том же 1833 г. в Москве выходит сборник стихов Петрова [3]; в 1834 г. он издаёт упомянутый выше альманах “Утренняя звезда. Собрание статей в стихах и прозе” [4].

В 1835 г. Петрова награждают знаком Отличия за 15 лет беспорочной службы, а в 1836 г. – орденами св. Станислава 4-й степени (21 августа; “въ воздаяніе усердной службы и отличныхъ трудовъ Министромъ финансовъ засвидѣтельствованныхъ” [35, л. 124 об.]) и св. Владимира 4-й степени (24 октября; “въ воздаяніе ревностной Службы и особенныхъ трудовъ оказанныхъ по бытности его въ Енисейской Казенной Палатѣ Ассессоромъ въ приведеніи въ порядокъ запущенныхъ съ давняго времени дѣлъ Красноярскихъ Градской и Земской полицій” [35, л. 124 об.–125 об.]). Незадолго до смерти – в конце 1837 г. – он получает назначение на должность директора училищ Бессарабской области в Одесском учебном округе⁹.

Мы видим, что Петров сочетал серьезную служебную деятельность чиновника с деятельностью литературной, причем и на том и на другом поприще был весьма активен. Из скудных сведений о его жизни вырисовывается весьма привлекательная личность. Наивно-искренне и сердечно

звучат слова из его письма Д.И. Хвостову (бывшему тогда сенатором), к которому молодой человек, помощник комиссионера по развозу соли, обратился в 1825 г. с просьбой о помощи в переезде в столицу [37]:

«Назадъ тому года два, случайно прочитавъ нѣкоторыя изъ образцовыхъ твореній русскихъ писателей, я живо почувствовалъ необходимость сего, такъ сказать, душевнаго наслажденія – и съ сей поры охота къ чтенію возбудила во мнѣ страсть къ поэзіи до того, что я, не могши преодолѣть внутренняго влеченія къ оной, посвятилъ ей все остающееся отъ занятій по службѣ досужное время. Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ “Новостей Литературы” на 1824 г. напечатаны первые мои опыты, какъ-то: Знакомый геній, Къ красавицѣ, Бардъ, Младенецъ и Бабочка, Къ фантазіи, Къ листочку... Но чтобъ имѣть совершенный успѣхъ и быть полезнымъ гражданиномъ общества, должно быть въ столицѣ – иначе сего достигнуть невозможно. Недостаточное-же мое состояніе и семейство, въ пяти человѣкахъ заключающееся, почти вовсе сего не дозволяютъ. Три тысячи рублей – и я почту себя наисчастливейшимъ изъ смертныхъ!.. Если желаніе мое не безразсудно, не оставьте сей моей покорнѣйшей просьбы своею снисходительною милостію и не лишите поэта-сибиряка завидной чести имѣть въ особѣ вашей мецената-благодотворителя. Благодарность моя будетъ неописанна, и мысль, что въ имперіи россійской всегда существуютъ Шуваловы, до самого гроба будетъ наиприятнѣйшимъ воспоминаніемъ».

И вот, попав впервые в северную столицу весной 1835 г., увидев её мощь и великолепие, вглядываясь под ярким мартовским солнцем в памятник её создателю, писатель и губернский казначей Иван Петров, будучи не в состоянии сдержать поэтического восторга, вспоминая и то, что услышал от Льва Сергеевича прошлой осенью, и то, что прочел недавно в томе “Библиотеки для чтенія” – “Петербургъ. Отрывокъ изъ поэмы” Пушкина, пишет панегирическое стихотворение, наполненное образами и языковыми заимствованиями как из вступления к поэме Пушкина, так и из самого основного текста поэмы.

Пушкин болезненно переживал отрешение от печати своего творения и недоступность его широкой публике. Известны его безуспешные отчаянные попытки приспособить текст поэмы к требованиям царской цензуры, осуществлённые в августе 1836 г. Мы далеки от резко негативной оценки стихотворения Петрова с точки зре-

⁹ Данные приведены с использованием работ [12; 36], а также формулярного списка И.М. Петрова [35].

ния литературной этики – тем более от обвинения его в плагиате; однако не можем не выразить горечи от сознания того, что его стихотворение предстало перед читающей публикой за два года до первого – посмертного – появления в печати великой поэмы. Какую же горечь, вероятно, испытал её автор в марте 1835 года, увидев в 25-м номере “Литературных Прибавлений” над чужим произведением название своей ненапечатанной поэмы и прочитав само стихотворение, источник которого Пушкину был ясен как никому другому! Не только Пушкин, но и читающая публика в стихотворении Петрова могла узнать многое из вступления к поэме Пушкина – причём в немногочисленном кругу читателей, знакомых со всей неопубликованной поэмой, могло быть узнано не только вступление, но и основной текст поэмы, на который наводили мысль и общее название, и изображение памятника Петру I (чего нет во вступлении), и отдельные общие места. Отклики на стихотворение Петрова нам не известны. Между тем харьковский губернский казначей рисковал многим: ведь в печати мог последовать протест автора “Петербурга”, а также недоумённые замечания в критической литературной периодике. В самом деле, несколькими годами ранее – после появления в 1831 г. под именем Петрова в той же газете “Литературные прибавления...” (№ 53) отрывка из поэмы А.А. Бестужева (Марлинского) “Андрей, князь Переяславский” и последовавшего в следующем году в “Московском телеграфе” протеста её автора (1832, № 6) [38, с. 300–301] – Петрову пришлось оправдываться в том же журнале, возлагая вину – в своем “Отвѣтъ Г-ну Сочинителю Повѣсти: *Андрей, Князь Переяславскій*” – на издателя “Литературных прибавлений” А.Ф. Воейкова и уверяя Бестужева в своей принадлежности к числу “усерднѣйших почитателей вашихъ литературныхъ произведений, какъ прежнихъ, такъ и нынешнихъ” [39, с. 217]. При известной склонности Воейкова ко всякого рода литературным скандалам и мистификациям вполне можно предположить её проявление и в том и в другом случае – с Бестужевым в 1831 году и с Пушкиным в 1835-м.

В своем творчестве Петров не был самостоятелен. В его стихах явственно ощущаются отголоски Жуковского, Батюшкова, А. Бестужева, раннего Пушкина. В стихотворении “Гроб Анакреона” (из сборника [3]) он заимствует и название, и размер, и образы, и язык раннего стихотворения 16-летнего Пушкина, которое впервые было опубликовано в 1818 г., а в другой редакции – в сборниках 1826 и 1829 гг.

И в стихотворении Петрова “Мѣдный Всадникъ” можно осторожно предположить наличие переключек также с другими стихами Пушкина. Словосочетание “безсмертъя лучъ” в 16-й строке (“Надъ тобой – безсмертъя лучъ!”), возможно, восходит у Петрова к стихотворению Пушкина “Наполеон”, опубликованному (с купюрами) в его сборниках в 1826 и 1829 гг. – с таким окончанием второй строфы: “Великолѣпная могила... / Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ, / Народовъ ненависть почилъ, / И лучъ безсмертія горитъ”. В обоих случаях луч бессмертия горит над памятником – могильным у Пушкина и конным у Петрова. Здесь, правда, не следует с уверенностью настаивать на пушкинской реминисценции у Петрова: ведь такое словосочетание встречается также у М.В. Милонова в стихотворении 1818 г. “К В.А. Жуковскому на получение экземпляра его стихотворений” – “Венец его в лучахъ бессмертія сияетъ”; у И. И. Козлова в стихотворении 1824 г. “Байрон” (кстати, с посвящением Пушкину) – “И дивные песни венчали / Лучами бессмертъя младое чело”; у А.А. Шишкова в стихотворении 1831 г. «Из Гетева “Фауста”» – “<...> лучъ бессмертъя для певца горитъ”. Отметим также такое словосочетание в не опубликованной при жизни Пушкина элегии 1816 г. “Я виделъ смерть; она в молчаньи села...”: “Последній взоръ моихъ очей / Луча бессмертія не встретитъ”.

Есть ещё одно подозрительное место – строки “Маньемъ чьимъ изъ влажныхъ недръ / Градь явился многолюдный?”, напоминающие жест Карла Великого из “Полтавы”, впервые опубликованной за шесть лет до стихотворения Петрова в марте 1829 г.: “Вдругъ слабымъ маніемъ руки / На Рускихъ двинуль онъ полки”.

Отметим переключки “Медного Всадника” из “Литературных прибавлений” с другими стихами самого Петрова. Три его стихотворения написаны той же строфой из двух катренов 4-стопного хорея с перекрёстной рифмовкой (*AbAbCdCd*), а именно – замечательная “Татарская песня” [40] и два стихотворения из его сборника 1833 г. [3]: “Гроб Анакреона” и “На скалах Енисея”. 8-строчное стихотворение “Улыбка милой” из того же сборника целиком составляет указанную строфу. Петров вообще часто прибегает к 4-стопному хорею – это его излюбленный размер; в упомянутом сборнике, помимо уже указанных стихотворений, таковы “К красавице”, “Песнь радости” (перевод из Шиллера), “Гостя Юга”, “Фея”, “Нищета и богатство”, “Юность”. Тем самым из двадцати стихотворений, составляющих сборник [3], девять написаны 4-стопным хореом, а два – строфой Петровского “Медного Всадника”, при этом оба

графически оформлены так же, как последний – с отступами от левого края в нечетных строках. То же графическое оформление мы видим в 12-строчном стихотворении “Трудное изображение”, тоже опубликованном в “Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду” [41] – в 1832 г., тремя годами ранее его “Медного Всадника”. Что касается лексико-синтаксических и образных перекличек между стихотворением Петрова из “Литературных прибавлений...” 1835 г. и другими его стихами, отметим в упомянутом стихотворении “На скалах Енисея” словосочетание “дивных скаль громады”, череду вопросов “Чьи здѣсь были пепелища? / Чьих кургановъ рядъ стоять? / Чьи безмолвные кладбища / Дикій беркутъ сторожить?...”, строку “Ты всё тотъ же, какъ гранить!”.

При всей отмеченной выше несамостоятельности поэтического творчества Петрова мы не можем не отметить весьма высокую степень его поэтической культуры и высокий уровень его стиха (нам представляются интересными также его прозаические опыты). В этом отношении он не уступает, на наш взгляд, ряду поэтов пушкинской плеяды, которые достаточно хорошо известны, причем не только историкам литературы (Дельвиг, Подолинский, Тепляков, ...). В истории русской литературы Петров забыт явно незаслуженно и несправедливо. Мы не можем отказать себе в удовольствии полностью привести здесь уже дважды упомянутое стихотворение из [3]:

НА СКАЛАХЪ ЕНИСЕЯ (1831 года)

Тамъ, гдѣ дивныхъ скаль громады,
Прелестъ грозная очей,
Руша каменны преграды,
Льетъся, блещетъ Енисей...
Поэтическою думой
Я привѣтствую твои,
Исполнѣ страны угрюмой,
Горделивыя струи!

На скалахъ твоихъ высоко
Съ незапамятныхъ временъ
Видѣнъ врезанный глубоко
Рядъ таинственныхъ письменъ...
Длань вѣковъ ихъ начертала
Въ эту мрачную скрижаль,
Въ память тѣхъ, кого умчала
Неразгаданная даль.

Чьи здѣсь были пепелища?
Чьихъ кургановъ рядъ стоять?
Чьи безмолвные кладбища
Дикій беркутъ сторожить?...
Бури, вѣки и народы

Измѣнили здѣсь свой видъ;
Но, не чуя непогоды,
Ты всё тотъ же, какъ гранить!

Лейся-жь, лейся величаво!
Обтекай, какъ и всегда,
Подъ прославленной Державой
Руси, селы, города!
Поэтическою думой
Я привѣтствую твои,
Исполнѣ страны угрюмой,
Горделивыя струи!

В заключение нам хотелось бы высказать одно предположение: представляется, что “Медный Всадник” Петрова отразился в одном из произведений Пушкина, написанном в том же 1835 году. Известна необычайная литературная восприимчивость Пушкина, о которой уже немало было сказано.

В апреле 1836 г., спустя год с небольшим после публикации Петровского “Медного Всадника”, столичная публика увидела еще одно прославляющее императора Петра стихотворение – “Пиръ Петра Перваго”, которым Пушкин открыл первый том “Современника” (без подписи автора). Стихотворение, датируемое последними месяцами 1835 г., содержало шесть 4-стопно-хореических строф с перекрестной рифмовкой, т.е. его размер и строфика в точности совпадали со стихотворением Петрова.¹⁰ С этим последним “Пир” роднит ещё и общий мажорный, можно сказать – ликующий, тон, близкий к настроению второй части вступления к поэме Пушкина. Вот первая строфа “Пира”:

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

К строфе, общей для двух рассматриваемых стихотворений, Пушкин обращался и ранее: “Раззевавшись от обедни...” (1821), “Зимний вечер” (“Буря мглою небо кроет...” – 1825), “Талисман” (“Там, где море вечно плещет...” – 1827), “Предчувствие” (“Снова тучи надо мною...” – 1828), “Утопленник” (“Прибежали в избу дети...” – 1828), “Бесы” (“Мчатся тучи, вьются тучи...” – 1830), Песня Мери из “Пира во время чумы”

¹⁰ О семантическом ореоле этой строфы и вообще четырехстопного хорея в связи с темой прославления Петра Первого и его памятника на фоне Невы см. статью А.Н. Архангельского [42].

(“Было время, процветала...” – 1830). Однако, как видно из этого перечня, последнее такое обращение отдалено от 1835 года весьма значительным временным расстоянием – пятью годами.

Есть и другие, пусть и немногочисленные, параллели между двумя стихотворениями – кроме их обращенности к Российскому императору, общего мажорного тона и формального строения. Отметим в “Пире” распространяющуюся на три строфы – со 2-й по 4-ю – цепь вопросов о причине пира, на которые дается ответ в 5-й строфе (“Что пируетъ Царь великій / Въ Питербургъ-городкѣ? <...> Озарень ли честью новой / Русской штыкъ, иль Русской флагъ? <...> Родила ль Екатерина? / Имениница ль Она, / Чудотворца – Исполина / Чернобровая жена? / Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится; <...>”). У Петрова же вопрос и ответ занимают всего лишь половину последней строфы: “Кто же Онъ, сей всадникъ чудный, / Маньемъ чьимъ изъ влажныхъ нѣдръ / Градъ явился многолюдный? / Это Петръ, нашъ Русскій Петръ!”. Соположение однокоренных слов во второй строке из предпоследней строфы “Пира” – “Виноватому вину” – несколько напоминает соположение словоформ одной лексемы у Петрова в строке той же последней строфы: “Мудрый мудрому укажетъ”. Наконец, строки “Пира” из предпоследней строфы “И въ чело его цалуешь, / Свѣтель сердцемъ и лицомъ” выглядят родственными второй строке стихотворения Петрова, направленной на “божественный ликъ” Всадника: “Весель, радость надъ челомъ”¹¹. Можно обратить внимание также на близкие рифмы: *великій* ~ *клики* у Пушкина и *великій* ~ *владыки* у Петрова (а также *ликъ* ~ *великъ* в последнем катрене).

Не обнаруживается ли здесь неявная взаимная переключка двух поэтов-современников – провинциального романтика Ивана Петрова и “первенствующего поэта русского” Александра Пушкина? Хочется думать, что Пушкин не испытал неприязни к собрату по поэзии, столь явно вторгшемуся в его стихи, как опубликованные, так и нет, и столь откровенно взявшему из них образы и язык. Вспомним слова Пушкина из стихотворения, написанного десятью годами ранее стихотворения Петрова, опубликованного за пять лет до него в “Литературной газете” под заголовком “Отрывокъ изъ посланія къ Языкову” [43] и, может быть, Петрову известного:

Издравле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.

* * *

Первоначальная версия статьи была прочитана Н.Н. Перцовой и И.О. Шайтановым, которые высказали ряд ценных критических замечаний. Весьма полезной для авторов была реакция аудитории докладов по теме статьи, прочитанных в Мемориальном Музее-квартире А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге (апрель 2010 г.) и в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН в Москве (сентябрь 2012 г.). Авторы искренне признательны коллегам, замечания и недоумения которых мы постарались учесть в меру наших возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1835, № 103 (9 мая). С. 980.
2. *Снегирев И.М.* Дневник // Русский архив. 1902, № 9. С. 51.
3. Стихотворения Ивана Петрова. М., 1833 (В Типографии С. Селивановского. Цензурное разрешение: 2 августа 1833 г., И. Снегирев).
4. Утренняя звезда. Собрание статей в стихах и прозе. Книжка 1. М., 1834 (В Типографии С. Селивановского); Книжка 2. Харьков, 1833 (В Университетской Типографии).
5. Московские ведомости. 1834, № 62 (4 августа). С. 3002–3003.
6. Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1835, № 62 (16 марта). С. 558.
7. Северная пчела. 1835, № 84 (18 апреля). С. 333.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777 [“Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД”], оп. 27, ед. хр. 199, лл. 19 об.–20.
9. Повести пустытника Залопанского, изданные Иваном Петровым. Харьков, 1837.
10. *Петров И.М.* Медный Всадник // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1835, № 25 (27 марта). С. 197–198.
11. Библиотека для чтения. 1834, т. 7, кн. XII, отд. I. С. 117–119.
12. *Жуковская А.В.* Петров Иван Матвеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.; П., 1999. С. 579–580.
13. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835, № 7. С. 183.

¹¹ Не будем сейчас говорить о справедливости такой характеристики: лицо императора на монументе Фальконе представляется нам торжественным и сосредоточенным, но отнюдь не веселым; однако при ярком свете солнца оно Петрову могло показаться таковым.

14. Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1835, №№ 54–62 (7–16 марта).
15. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.
16. *Пумпянский Л.В.* “Медный Всадник” и поэтическая традиция XVIII века // *Временник Пушкинской комиссии.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. [Вып.] 4/5. С. 91–124.
17. <*Одоевский А.И.*> Сен-Бернар // *Современник.* 1838, т. 10. С. 167–169.
18. *Якобсон Р.О.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180.
19. Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста). Собрал Барон Андр. Евг. Розен. СПб., 1883. С. 38.
20. *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1984. С. 238–239.
21. *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М.: “Книга”, 1987. С. 254.
22. *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* “Печальну повесть сохранить...”. М.: “Книга”, 1987. С. 73.
23. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
24. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899.
25. *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1833 году: Хроника. М.: Изд-во “Слово/Slovo”, 1994.
26. *Пушкин А.С.* Дневник 1833–1835 / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 72.
27. *Богаевская К.П.* Из записок Н.М. Смирнова // *Временник Пушкинской комиссии,* 1967–1968. Л., 1970. С. 7.
28. *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 310.
29. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 192.
30. *Хандрос Б.Н.* Письма Л.С. Пушкина к М.В. Юзефовичу (1831–1843) // *Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 10. Л.: “Наука”, 1982. С. 340.
31. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 16 [“Канцелярия Московского генерал-губернатора”], оп. 9, ед. хр. 980, л. 230.
32. Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. Кн. 2. 1833–1834. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 437.
33. *Новости литературы.* 1824, сентябрь. С. 112, 143, 188–189, 190, 191, 192.
34. Енисейский Альманах на 1828 год, Ивана Петрова. Красноярск, 1828.
35. РГИА. Ф. 1349 [“Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)”], оп. 4. 1837 г. № 449, лл. 121–131.
36. *Богданова А.А.* Сибирские поэты-романтики начала XIX века // *Новосибирский педагогический институт. Ученые записки.* Вып. 4. Серия историко-филологическая. Новосибирск, 1947. С. 105–145.
37. *Морозов П.О.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов // *Русская старина.* 1892, № 6. С. 580.
38. *Бестужев-Марлинский А.А.* Несколько слов от Сочинителя повести: *Андрей, Князь Переяславский* // *Московский телеграф.* 1832, часть 44, № 6. С. 293–301.
39. *Петров И.М.* Ответ Г-ну Сочинителю Повести: *Андрей, Князь Переяславский* // *Московский телеграф.* 1832, часть 45, № 10. Прибавление “Камер-обскура”, № 10. С. 216–218.
40. *Петров И.* Татарская песня // *Сын Отечества и Северный Архив.* 1830, № XXXVII. С. 246–247.
41. *Петров И.* Трудное изображение // *Литературные прибавления к Русскому Инвалиду.* 1832, № 61 (30 июля). С. 288.
42. *Архангельский А.Н.* В тоске по контексту // *Вопросы литературы.* 1989, № 7. С. 68–102.
43. *Литературная газета.* 1830, т. I, № 16 (17 марта). С. 125–126.